

Коллективная монография «Наклонение в языках Европы» представляет собой набирающий популярность в последнее время тип исследований, когда каждая глава посвящена описанию некоторого явления в определенном языке (аналогичное издание о модальных словах в языках Европы рецензировалось в «Вопросах языкознания» за 2011 год, № 1). В монографии рассмотрены 36 языков, в их числе два языка Кавказа – армянский и грузинский.

Наклонения, в соответствии с наиболее распространенной традицией, определены как морфологическая форма глагола, выражающая модальность. Однако, как мы увидим дальше, это определение отнюдь не дает однозначного решения вопроса о том, что относить к наклонениям в каждом конкретном языке.

Вступительная статья Рольфа Тироффа (Rolf Thieroff), одного из редакторов-составителей сборника, представляет полезное обобщение результатов. Обсуждая круг описываемых в монографии форм, Тирофф исключает из рассмотрения эвиденциальные категории на том основании, что эвиденциальность часто бывает выражена в глагольной форме одновременно с наклонением. Тем не менее в ряде статей эвиденциальные формы все же приводятся, например для балтийских языков и для албанского.

Тирофф сообщает, что во всех 36 исследованных языках есть императив, и потому в дальнейшем не обсуждает его в своей статье, анализируя лишь «неиндикативные неимперативные наклонения» (с. 6). Между тем ситуация далеко не столь однозначна. Морфологически специализированный императив, то есть формально отличающийся от всех других форм, существует не во всех европейских языках (см. об этом [van der Auwera et al. 2004]). Например, в английском императив не имеет никаких показателей, которые отличали бы его от индикатива настоящего времени 1/2 лица. Еще чаще специализированной является только форма 2 лица единственного числа. Во многих статьях сборника эксплицитно сообщается, что некоторая форма императива совпадает с индикативом, конъюнктивом (субъюнктивом) или, реже, с чем-либо еще.

Исключив императив как неинтересный для обобщения объект, Тирофф сосредотачивается на обсуждении «неиндикативных неимперативных» форм, а именно – наклонений ирреального типа. Исследование этих форм осложнено путаницей в терминологии, сформировавшейся в рамках национальных науч-

ных парадигм. Одна и та же с функциональной точки зрения форма может называться конъюнктивом, кондиционалисом, субъюнктивом, сослагательным или условным наклонением. Тирофф пытается преодолеть этот разнобой, анализируя морфологическую структуру ирреальных форм. Основным объектом внимания оказывается форма, которая в ряде языков называется кондиционалисом. Автор выделяет два морфологических типа этой формы в языках Европы.

Один тип представляет собой сочетание морфем прошедшего и будущего времени, ср. пример из статьи о французском языке Вальтера де Мюльдера (Walter De Mulder) и английский перевод этой французской фразы, где представлена аналогичная форма *would*:

Si je le rencontrais,
if I him meet.IND.IMP.F.1SG
je le tuerais
I him kill.FUT.IMP.F.1SG
'If I would meet him, I would kill him'.

Второй тип представлен в восточноевропейских языках, например, в славянских (в том числе в русском – *Если бы я его встретил, я бы его убил*), в латышском, литовском, финском, эстонском и венгерском, где кондиционалис не содержит морфемы будущего времени, а иногда не содержит и морфемы прошедшего.

Первый, «западный» кондиционалис Р. Тирофф, следуя форме, считает временем. Он указывает на то, что, наряду с чисто модальными контекстами у будущего в прошедшем есть глубоко временные, а употребление в модальных значениях характерно почти для любой временной формы. Заметим, что относительно форм будущего в прошедшем существует противоположная точка зрения: сам факт сочетания в одной форме двух временных морфем ставит под сомнение возможность квалифицировать как временную не только форму будущего в прошедшем, но и морфологическую категорию будущего времени вообще (см. обсуждение этой проблемы в [Плунгян 2011: 361]).

Второй, «восточный» кондиционалис он причисляет к наклонениям. При этом болгарский и македонский языки имеют оба типа. Сопоставляя затем функции русского сослагательного наклонения («восточный кондиционалис») с французским «субжонктивом», автор приходит к выводу, что с функциональной точки зрения эти формы не имеют существенных различий и могут рассматриваться как наклонение одного типа, которое может быть названо ирреалисом, в то время как форма будущего

в прошедшем должна быть выведена из системы наклонений и считаться временной.

Еще одно наблюдение, сделанное Р. Тироффом относительно конъюнктива, касается его связи с категорией времени. Как утверждает автор, европейский конъюнктив всегда маркирован с точки зрения времени. Так, русское сослагательное наклонение Тирофф рассматривает как форму прошедшего времени, отмечая при этом, что референциально она может относиться к любому моменту (ср. противоположную, распространенную в отечественной русистике точку зрения, в соответствии с которой глагольную форму сослагательного наклонения называют «формой на -л», чтобы подчеркнуть отсутствие у нее связи с прошедшим временем).

Основной проблемой этой в целом очень информативной книги является отсутствие заранее принятых решений о том, на каких основаниях некоторая форма принимается к рассмотрению в статье. Статьи сборника сильно различаются в отношении того, что считается наклонением в каждом конкретном языке. В результате в некоторых очерках упомянуто все, что имеет хоть какие-то основания считаться наклонением, например, в албанском языке автор (Вальтер Брой – Walter Breu) выделяет 10 наклонений, называя каждое регулярное сочетание некоторой частицы с формой конъюнктива отдельным наклонением. В других, напротив, система наклонений выглядит чрезвычайно бедной и очерки оказываются совершенно неинформативными – так произошло с английским. Парадоксальным образом в статье об английском не описаны конструкции с глаголом *would*, поскольку, как и редактор, авторы этой статьи (Александр Бергс и Лена Хайне – Alexander Bergs, Lena Heine) считают *would* формой будущего в прошедшем, которую они квалифицируют как временную.

Германским языкам в этом сборнике вообще повезло меньше всех прочих. В большинстве из них полностью утрачен индоевропейский конъюнктив, и авторам остается лишь привести ряд устаревших устойчивых формул – *Long live the king!* В качестве императивных рассматриваются только формы императива 2-го лица. Между тем во многих языках мира имеются какие-либо грамматикализованные средства и для выражения форм побуждения к 1-му и 3-му лицу. В германских и романских языках эти значения обычно выражены средствами других наклонений, но, как было показано вначале, императив 2-го лица тоже далеко не всегда имеет специализированную форму. Не все лингвисты относят формы 1 и 3 лиц к императивным, но к зоне наклонений они принадлежат несомненно. В рецензируемом сбор-

нике побуждения к 1 и 3 лицу довольно внимательно описаны практически во всех статьях, кроме тех, которые посвящены германским и романским языкам (а они составляют треть книги), что досадно и несколько удивительно, учитывая, что внимание к таким побудительным формам не первых лиц за последние десять лет стало нормой (ср. [Xrakovskij 2001; van der Auwera et al. 2004; Aikhenvald 2010]). Исключив из рассмотрения форму будущего в прошедшем как временную, авторам остается лишь сообщить о том, как образуется императив 2-го лица.

Романские языки в лучшем положении, поскольку они сохранили конъюнктив, и большая часть статей содержит относительно подробное описание функций конъюнктива, который, как известно, в романских языках широко употребляется в подчиненных конструкциях разных типов.

В германских и романских статьях, таким образом, использован принцип, который с некоторыми натяжками можно считать историческим: как наклонения рассматриваются лишь те формы, которые восходят к формам наклонений. Следуя этому принципу, в статье о русском языке не должно было бы рассматриваться сослагательное наклонение – оно восходит к форме времени. Однако автор, известный славист Бьорн Хансен (Bjorn Hansen) (ему же принадлежит статья про польский), к счастью для читателя, идет по другому пути и включает не только сослагательное наклонение и императив 2-го лица, но описывает также способы выражения побудительности к 1 и 3 лицу (ссылаясь при этом на функциональную модель императива В.С. Храковского). Остановимся на этой статье более подробно и обсудим некоторые сомнения, которые возникают по прочтении этой в целом, безусловно, содержательной статьи. Автор максимально широко рассматривает функции маркера *бы* в современном русском языке, не забывая ни инфинитив, ни союз *чтобы*, ни частицы, которые содержат этот маркер. Более того, в статье приводится пример употребления частицы *бы* с императивом (со ссылкой на другую, малоизвестную в России монографию [Hacking 1998]) – «...случись *бы* иначе, вполне могли бы...». Представляется, что такие примеры все же являются крайне маргинальными. Во всяком случае, ни в корпусе со снятой омонимией, ни в крупных выборках примеров с частицей *бы* не встретилось ни одного подобного случая (исключая императив *будь*, который обладает и другими отличительными особенностями). Зато наряду с теми формами, которые употребляются с частицей *бы*, вполне можно рассмотреть причастия – такие случаи хоть и не являются

частотными, но все же встречаются вполне регулярно: «...все это, не сумевшее бы выдержать веса и пары чулок, держалось буквально на воздухе...» [Ольга Славникова (1995–1999)]. К обзору основных функций сослагательного наклонения, сделанному Бьорном Ханзенем, стоит добавить употребление сослагательного наклонения в относительных предложениях (см. об этом [Dobrushina 2010]). Этот тип использования ирреальных наклонений, мало исследованный в русском языке, распространен в европейских языках весьма широко, причем не только в романских языках, но, как следует из рецензируемой монографии, также в чешском, словацком и лужицких.

Еще один контекст употребления конъюнктива, на который следует обратить внимание русистам, – это маркирование модальных глаголов. В ряде статей, в частности в очерке балтийских языков Акселя Хольвута (Axel Holvoet), ирреальное маркирование модальных глаголов связывается с влиянием германских языков и противопоставлено русскому, где, по мнению автора, это явление не распространено. Между тем модальные лексемы *мочь* и *можно* сочетаются с частицей *бы* весьма регулярно, причем во многих случаях с точки зрения семантики маркирование ирреалисом является излишним, поскольку сослагательное наклонение часто практически ничего не меняет в семантике модального глагола: «*А ведь мог бы взять себе все до копейки*» ≈ «*А ведь мог взять себе все до копейки*».

Предлагая богатейший материал для исследователей модальности, рецензируемый сборник делает актуальным вопрос о том, чем руководствоваться при отборе материала для анализа. Нам кажется наиболее эффективным путь, который эксплицитно сформулирован, например, в статье про наклонения валлийского языка (Иоганнес Хайнеке – Johannes Heinecke): хотя индоевропейский конъюнктив в этом языке сохранился только в устойчивых формулах, автор предлагает посмотреть, как выражаются в валлийском те семантические зоны, которые обозначаются конъюнктивом в других языках. Этот принцип – по существу основной для грамматической типологии – представляется продуктивным для исследований, подобных

рецензируемому, поскольку а) обеспечивает сравнимость разных языков, что, по-видимому, является главной задачей монографий такого рода, б) делает статьи более информативными – читатель получает возможность узнать о более широком круге явлений, что несколько не исключает обсуждение их права называться наклонениями.

Несмотря на некоторые недостатки, рецензируемая книга, безусловно, вносит значительный вклад в исследование наклонений, особенно ирреального типа. К важным достоинствам издания следует отнести наличие глосс во всех статьях сборника, что облегчает читателю восприятие материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Aikhenvald 2010 – A.Y. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford, 2010.
- Hacking 1998 – J.F. Hacking. Coding the hypothetical: a comparative typology of Russian and Macedonian conditionals. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- van der Auwera et al. 2004 – J. van der Auwera, L. Lejeune, V. Goussev, U. Umarani. «The imperative», «The prohibitive» // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2004.
- van der Auwera et al. 2005 – J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. Imperative-hortative systems // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2005.
- Xrakovskij 2001 – V.S. Xrakovskij (ed.). Typology of imperative constructions (Lincom studies in theoretical linguistics, 09). Munich, 2001.

Н.Р. Добрушина

Сведения об авторе:

Нина Роландовна Добрушина
НИУ ВШЭ
nina.dobrushina@gmail.com